

В. И. Качалов

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

ИСПОЛНИЛОСЬ 70 лет со дня рождения замечательного русского актера Василия Ивановича Качалова.

Его первая сценическая победа была одержана 50 лет назад, 19 ноября 1895 г., когда в спектакле любительского кружка молодой студент с беспрецедентным успехом сыграл Несчастливцева в «Лесе». 26 ноября 1900 г. этот триумф повторился: приглашенный в труппу Художественного театра провинциальный актер В. И. Качалов сыграл роль царя Берендея в «Снегурочке» Островского.

Пятьдесят лет играет Качалов на сцене — из них 45 лет на сцене Художественного театра, — и время не смеет коснуться этого славного художника. Он «светит и греет» ныне так же, как и полвека назад, когда великие мастера русского искусства И. Е. Репин, В. Н. Давыдов и другие в студенте, сыгравшем Несчастливцева, увидели восходящее светило русского театра.

В даровании Качалова есть что-то пушкинское по солнечной ясности и щедрости, по его теплой простоте. Недаром Качалов явился совершеннейшим воплощением пушкинских образов — Пимена, Дон-Жуана и Бориса Годунова (в неподказанной публично постановке). Ни у кого из русских артистов последнего полвека пушкинский стих не звучал так просто и тепло, как в устах Качалова.

Это — изумительный вокалист русского драматического театра. По необыкновенной сердечности и красоте голоса, по тончайшему изяществу, проникновенной музыкальности исполнения Качалов — это Собинов русской драматической сцены. Каждая роль Качалова — это великолепно разработанная вокальная партия, где в самой мелодике уже раскрыт внутренний образ. Увидев начинающего Качалова в «Снегурочке», Собинов, уже прославленный певец, писал: «Качалов фигурой, голосом, интонацией дает мне то, что мне всегда хотелось в опере: столько мягкости, добродушия, какого-то патриархального величия в его Берендее».

Поэтому и на эстраде Качалов тот же чудесный артист, что и на сцене. Ему не нужно грима, костюма, декораций, бутафории, чтобы являться Гамлетом, Ричардом III, Эгмонтом. Качалов уже много лет не играет Гамлета, Ричарда III и Эгмонта, — му так и не пришлось воплотить на сцене. Художественный театр только еще собирается ставить «Лес» с Качаловым-Несчастливцевым. Но за советские годы на эстраде Качалов сам «поставил» своего Гамлета, своего Эгмонта и Ричарда, своего Несчастливцева. Не надевая их костюмов, не накладывая на лицо грима, Качалов создавал их образы со всей мощью художника, которому слово доступно не только в драматическом, но и в чистом музыкальном звучании.

В 1906 г. он впервые вышел на сцену Чацким. Он не декламировал ни о своей любви к Софье, ни о своем презрении к людям «времен очаковских и покоренья Крыма». «И жить торопится и чувствовать спешит» — таков был Чацкий-Качалов. Молодостью, юной светлостью мысли, свежестью чувств, правдивостью душевных движений веяло от него.

Прошло девятнадцать лет. При первом возобновлении «Горе от ума» Качалову дали роль Репетилова; Чацкого играли молодые актеры. Но скоро пришлось убедиться, что Качалов моложе этих молодых актеров! И когда он вновь вошел Чацким в дом Фамусовых, с ним вновь ворвался в душный барский особняк весенний ветер, попрежнему юный и вольный.

В. И. Качалов.

Портрет работы художника П. ВАСИЛЬЕВА.

Прошло еще тринадцать лет. Пришел 40-летний юбилей Художественного театра. Опять возобновили «Горе от ума», предложив Качалову роль Фамусова. А он, вопреки всем театральным законам перехода «премьеров» от Чацкого к Репетилову, от Репетилова к Фамусову, снова выступил Чацким. Его Чацкий был рыцарем свободного духа, героем новой общечеловечности. Непримиримой ненавистью к Молчалиным и Скалозубам, весенней грозой вновь повеяло от него. Стало ясно, что самый строгий из режиссеров — время навсегда оставило за Качаловым роль Чацкого.

Много спорили, кто такой Качалов по своему амплуа. Герой-любовник? Лирический актер? Трагик? Драматический режиссер? Мастер характерных ролей?

Каждый из спорящих может привести в доказательство своих утверждений неоспоримые примеры. Герой-любовник? Только что был назван Чацкий — и этого довольно, чтобы утверждать за Качаловым это лестное амплуа. Лирический актер? Стоит вспомнить Качалова в тургеневских пьесах, чтобы с радостью согласиться: да, Качалов — лирический актер. Трагик? Но за последние полвека Качалов — лучший русский Гамлет, и ни с кем не сравнимый Юлий Цезарь. Драматический режиссер? И это окажется правильным: стоит лишь вспомнить качаловского царя Берендея. Мастер характерных ролей? Достаточно назвать барона в «На дне», или Гаева в «Бытьемом саду», чтобы смолкли все возражения и против этого амплуа Качалова.

А Иван Карамазов в инсценировке романа Достоевского? Это был и рус-

ский студент 70-х годов, двоюродный брат Базарова и родной брат Раскольникова. Это был и русский Фауст, неразлучный с русским же Мефистофелем. В этой роли Качалов создал новый образ, не аналогичный ни одному похожему в русском театре.

А что играет Качалов в «Воскресенье»? По афише — это «от автора». Но это и не автор, и не сам Качалов, и не «ведущий» в спектакле. Качалов в этой роли дает нечто небывалое в истории мирового театра. Кажется, не только герои «Воскресенья» доверяют ему свой заветный подтекст, свои заветные мысли и чувства, но и сам Лев Толстой, упорный и суровый искатель правды, передоверяет Качалову всю силу своего гневного отречения от темной неправды жизни, свою горячую веру, что неправда эта лишь загораживает людям прямые пути к истине, пути, которые неизбежно откроются человеку.

Нет, у Качалова нет и не было ни ролей, ни амплуа, ни репертуара, или, наоборот, он всегда играл только одну роль — роль человека.

Кем бы ни выходил на сцену артист — царем Берендеем, честным мечтателем Тузенбахом («Три сестры»), жизнерадостным Пером Бастом («У жизни в лапах») или скорбным Ивановым (пьеса Чехова), кабинетным ученым-химиком Протасовым («Дети Солнца») или сибирским крестьянином-партизаном Вершининым («Бронепоезд 14-69»), Качалов всегда несет в образе свою любовь к человеку, свою веру в высоту его призвания, в красоту его бытия.

Лучшие создания Качалова — люди глубокого раздумья, мятежники

мысли, ревнители освободительной думы, провозвестники просветляющей мечты, зовущей человечество к лучшему будущему.

Спокойное, мудрое раздумье летописца Пимена, погруженного в «земли родной минувшую судьбу», Качалову так же близко, как суровая, трагически-одинокая мечта Бранда; горестно-мучительный мятеж мысли Ивана Карамазова для Качалова так же доступен, как благородная мечта Вершинина («Три сестры») о прекрасной жизни, которая ожидает человечество в будущем.

Как бы ни были трудны эти пути мысли для человека, как бы ни были тесны и тернисты эти тропинки к истине и красоте, Качалов верит: они приведут человечество к творческому простору бытия.

Качалов — певец человека в его прекрасной человечности, обращенной к будущему.

Его искусство глубоко народно. Блестящий мастер театра, он дал на сцене жизнь лучшим чаяниям и устремлениям Пушкина, Грибоедова, Льва Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, выраженным ими в художественных образах. Русский правдоискатель, воплощающий мысль и совесть своего народа — будь ли это летописец-монах начала XVII века, интеллигент конца XIX столетия или крестьянин-партизан Великой Октябрьской революции — вот любимый герой Качалова.

Десять лет назад в своем приветствии В. И. Качалову по поводу 35-летия его деятельности в Художественном театре К. С. Станиславский назвал его: — Великий актер.

В этих двух словах заключена лучшая и наиболее полная характеристика В. И. Качалова.

С. Дурылин.